

Сунь Юй, увидев Сюй Сина, поднял козырёк шлема, открыв узкие глаза, и громко сказал:

— Как раз вовремя, ты пришёл, и мне не нужно тебя искать. Хань Вэньюй велел мне привести тебя.

Сюй Син махнул рукой:

— Я же сказал, что не пойду.

Он подошёл к Чэнь Ли, посмотрел на него, а затем на двух других:

— Ладно, я забираю его, пока.

Сунь Юй и Хан Вэй оба удивились, переглянулись, и первый воскликнул:

— Ты с ним знаком?

Сюй Син, зная, что эта засада произошла из-за обиды Хан Вэя, сначала повернулся к нему:

— Вэй, не злись, я извиняюсь за моего брата.

Хан Вэй тоже удивился:

— Он твой брат?

Сюй Син, глаза которого резали огни переделанного мотоцикла Сунь Юя, отвернулся и кивнул:

— Да, мой брат.

Сунь Юй нахмурился внутри шлема, видимо, раздражённый тем, что шлем мешал его выражению лица, и поправил его:

— Почему ты не сказал раньше, что он твой брат?

Он сделал паузу и добавил:

— Твой брат совсем не умеет себя вести, кто в первый же день жалуется учителю?

Сюй Син уже собирался ответить, но Чэнь Ли фыркнул. Видимо, он презирал Хан Вэя и Сунь Юя, но игнорировал первого, просто не поворачивая головы, а на второго посмотрел с явным пренебрежением. Затем он медленно повернулся к Сюй Сину и сказал:

— Ты что, с ума сошёл, дружить с этими хулиганами?

Сюй Син чуть не задохнулся от возмущения и взорвался внутри.

«Я тебя выручаю, а ты ещё и меня в безумии обвиняешь? Да, я, видимо, действительно с ума сошёл, раз связался с тобой, хулиганом. Сумасшедший, которому я и кровать покупал».

После слов Чэнь Ли Сюй Син только внутренне кипел, но остальные двое не ограничились внутренними эмоциями.

Хан Вэй, сидящий на горном велосипеде, сразу же бросил его на землю и пошёл к Чэнь Ли, чтобы разобраться. Сунь Юй, сидя на мотоцикле, нажал на газ, громко ревя, и крикнул:

— Вэй, не жалеяй его, раз он называет нас хулиганами, бей насмерть!

Сюй Син не обращал внимания на крики Сунь Юя, он сразу же остановил Хан Вэя, в душе ещё подумав: «Чёртов ублюдок, который только лампы на мотоцикле менять умеет, назвать тебя хулиганом — это ещё комплимент».

Он поспешил сказать Хан Вэю:

— Мой брат просто такой, он ещё молод и очень бунтует, пойми его.

Сюй Син даже сам себе удивился. Если бы он был в свои 17-18 лет, он бы сказал, что его брат просто не понимает, но такие слова были абсолютно бесполезны. Но если сказать, что такое поведение Чэнь Ли — это просто бунт, это могло вызвать у Хан Вэя и Сунь Юя понимание.

Ведь они сами сейчас в таком же возрасте.

Хотя они бы никогда в этом не признались.

Сунь Юй, услышав это, даже сказал:

— Ну, это можно понять. Когда я был моложе и бунтовал, Лю Ситун готова была с меня кожу сдернуть.

Сюй Син с сарказмом посмотрел на Сунь Юя, думая, что Лю Ситун до сих пор готова с него кожу сдернуть.

Хан Вэй был вспыльчивым, и то, что Чэнь Ли устроил переполох на самостоятельной работе, его действительно разозлило. Но его гнев в этом возрасте был скорее поверхностным, он сам быстро остывал, даже без чьей-либо помощи, тем более, когда Сюй Син сказал, что это его бунтующий брат.

Правило «не трогай брата друга» было почти таким же строгим, как «не трогай женщину друга».

Хан Вэй больше не собирался драться, фыркнул и, указав на Чэнь Ли, спросил Сюй Сина:

— Ну и что, твой брат специально так делает?

Сюй Син был полон сарказма, думая: «С кем я только не связался в молодости», — и подумал, что эти дети могли бы просто спокойно учиться и сдавать экзамены, вместо того чтобы устраивать такие драмы, как в «Шанхайском пляже». Что, нужно ещё шарф на шею надеть, чтобы стать Сюй Вэньцяном?

Он молча проглотил эти мысли, но понимал, что сейчас все они, включая его самого, были всего лишь школьниками, и если не разобраться с этим, весь последний год учёбы будет испорчен.

Но заставить Чэнь Ли извиниться было абсолютно невозможно. Сюй Син быстро сообразил и, прежде чем оставить своего брата, сказал:

— Стой тут, не двигайся.

Чэнь Ли посмотрел на него и ответил:

— Не двигаться? А почему?

Сюй Син, как будто успокаивая дикое животное, взял его за руку и сжал её:

— Потому что я твой старший брат.

Чэнь Ли, видимо, был доволен словами или действиями Сюй Сина, потому что действительно остался на месте.

Сюй Син не обращал внимания на Сунь Юя, подошёл к Хан Вэю, обхватил его за плечо и повёл к мосту, чтобы поговорить наедине.

Но Хан Вэй сразу же заявил:

— Пусть твой брат извинится, иначе ничего не получится. Кто из нас не проходил через бунт?

Сюй Син похлопал его по плечу и начал убеждать:

— Но у Чэнь Ли не обычный бунт.

Хан Вэй нахмурился:

— Почему его бунт особенный?

Сюй Син снова похлопал его по плечу, как будто успокаивая дикое животное:

— Но ты видел много бунтующих учеников с такими результатами? Бунт — это дело, которое отнимает много энергии. Посмотри на Сунь Юя, он в самый разгар лета надевает кожаный костюм и узкие штаны, чуть ли не сварится.

Хан Вэй запутался:

— Подожди, ты сейчас о своём брате говоришь или о Сунь Юе и его штанах?

Сюй Син улыбнулся и терпеливо объяснил:

— Слушай меня внимательно. Я закончил с Сунь Юем, теперь о Чэнь Ли. Он молод, бунтует, и при этом он в десятке лучших по городу. Ты видел много таких учеников? Обычно отличники, как старосты, всегда ведут себя хорошо.

Хан Вэй уже начал терять терпение:

— К чему ты клонишь?

Сюй Син:

— Я просто хочу объяснить, что бунт моего брата отличается от других. Он пожаловался учителю химии, что ты пользовался телефоном, но это было для твоего же блага.

Хан Вэй сначала был ошарашен, а потом удивлён:

— Для моего блага?

Сюй Син кивнул:

— Да, для твоего блага. Ты знаешь, что с такими результатами, как у Чэнь Ли, он не мог сидеть на последней парте. Лю Ситун держала бы его как национальное достояние возле кафедры. Он сидит сзади, потому что сказал классному руководителю, что хочет сидеть там, чтобы помогать отстающим исправлять своё отношение к учёбе.

Хан Вэй, стоя у тёмного перила моста, сделал лицо, будто съел муху:

— Моя мама ещё не контролирует моё отношение к учёбе, а он уже взялся?

<http://bllate.org/book/16663/1527761>